

© 2023

Аркадий Мартынов

доктор экономических наук, главный научный сотрудник

Института экономики Российской академии наук (г. Москва, Российская Федерация)

(e-mail: socpolma1@mail.ru)

СТРУКТУРА НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ РОССИИ: ФЕНОМЕН ГИБРИДА

В компактной статье анализ сфокусирован на феномене разнородной структуры современной национальной экономики, которую правомерно идентифицировать как гибридную. Применительно к российской экономике рассматривается взаимосвязь дивергенции институциональных порядков и агентских укладов. Обосновывается объективная причина утверждения государственно-капиталистического уклада, преобладающего в гибридной структуре национальной экономической системы страны.

Ключевые слова: экономическая система, институты, агенты, гибридная структура, государственно-капиталистический уклад.

DOI: 10.31857/S020736760028114-4

Как известно, до настоящего времени весьма распространенной остается трактовка экономического строя России как олигархического капитализма. По-видимому, она была в значительной мере адекватна реалиям, сложившимся в период девяностых годов. Олигархическая составляющая отечественного капитализма сохранялась и в дальнейшем. Однако применительно к нынешнему этапу системной трансформации обозначенная трактовка экономического строя страны явно потеряла необходимую степень адекватности. По крайней мере по той причине, что действующие олигархи сейчас не играют заглавной роли в экономической жизни, а их политическое влияние стало заведомо ограниченным.

Определенно возникла потребность в адекватной институциональной идентификации структуры отечественной национальной экономики в соответствии с переменами, имевшими место в первые десятилетия нынешнего века.

Попробуем внести посильный вклад в разрешение этой проблемы.

Атрибуты гибридной структуры национальной экономики XXI века

Исходя из результатов страноведческих исследований, можно утверждать: развитая национальная экономика XXI века характеризуется глубокой дивергенцией институциональных порядков и сосуществованием значимых и отличных друг от друга структурных укладов, где оперируют разные экономические агенты. Без всякого преувеличения, такого рода свойство присуще экономическим системам большинства нынешних стран.

Уместно сделать акцент на следующем утверждении: идентификация современных экономик как макросистем с многозвенным институциональным каркасом и разнородными агентскими укладами в принципе несовместима

с распространенным методологическим холизмом. Закономерности формирования институтов одного определенного типа не могут определять механизма функционирования всей экономической и, тем более, макросоциальной системы (что отражено на рис. 1). Этим институтам всегда сопутствуют иные, альтернативные институты, также выражающие сущностные черты соответствующей национальной экономики и вбирающего ее социального макроса.

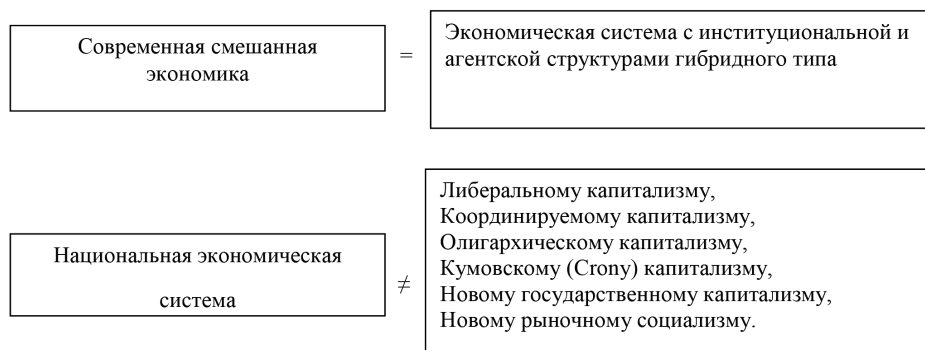

Рис. 1. Экономическая система с гибридной структурой.

Источник: составлено автором.

Бесспорными выглядят следующие основные атрибуты современной гибридной структуры национальной экономической системы:

- отсутствие явной институциональной иерархии, относительная независимость и значимость различных институциональных порядков и агентских экономических укладов¹;
- кардинальное повышение весомости интеграционных форм взаимодействия институтов разных порядков, в первую очередь — общественной регуляции и корпоративного регулирования;
- активное участие государства как рыночного агента в экономической деятельности, широкое распространение государственно-частных партнерств в рыночных секторах и разнообразных форм сотрудничества частных предпринимателей, корпоративного бизнеса и государства в нерыночных секторах;
- применение безлюдных технологий, искусственного интеллекта и роботов в большинстве экономических и сопряженных социальных секторов благодаря утверждению гибридных организационно-производственных структур.

¹ Плодотворное новаторское освещение этого теоретического вопроса содержится в резонансных трудах Льва Никифорова [1,2]. Правда, следует заметить, что автор оперировал терминами *смешанная экономика* и *смешанное общество*. На наш взгляд, в свете мирового опыта, с учетом наступившей эры цифровой экономики, использования роботов и искусственного интеллекта, более адекватным выглядит обращение к терминам *гибридная структура* и *гибридная экономика*.

Перечисленные атрибуты гибридной структуры отчетливо проявляются в отечественной экономике. Здесь наблюдается сложное наложение институциональных порядков на различные и относительно автономные агентские уклады (табл. 1). Так, в числе укладов такого рода в сфере производства следует выделить: государственный, корпоративный (нефинансовый и финансовый), корпоративный с государственным участием, независимый предпринимательский (индивидуального, малого и среднего бизнеса), теневой, негосударственный некоммерческий, семейное предпринимательства. Стоит особо отметить, что все эти уклады могут вбирать в себя гибридные организационно-производственные структуры, включающие в качестве элементов искусственный интеллект и роботов.

По всей видимости, исходная матрица (матрицы) взаимосвязей агентских укладов и институциональных порядков не поддается полной количественной верификации. Поведение большинства экономических агентов опосредует совместное функционирование нескольких институциональных порядков. По этой причине разграничение основных направлений деятельности экономических агентов по областям действия отдельных институциональных порядков в принципе не достижимо в условиях динамичных рыночных перемен.

Тем не менее, качественные (ранговые) оценки соотносительной весомости агентских укладов могут быть выявлены. Эта задача оказывается разрешимой посредством взаимоувязанных оценок результатов деятельности различных агентских укладов как институционализированных секторов в рамках системы национальных счетов, которая может быть обновлена благодаря новым информационным возможностям².

Разумеется, было бы неправомерным ограничиваться анализом функционирования агентских укладов исключительно в рамках производственной сферы национальной экономики. Огромное значение имеет взаимосвязь результатов деятельности агентских укладов и состояния сектора домашних хозяйств, включающих в себя экономических агентов с разным уровнем доходов и личных накоплений (капитала).

То же касается представленного в системе национальных счетов сектора зарубежной экономики, глубоко дивергентной в институциональном и агентском разрезах. Грандиозная проблема оценки взаимодействия агентских укладов в рамках всей экономической системы определенно является предметом дальнейших коллективных исследований.

Стоит особо добавить, что в сложившихся российских реалиях нельзя не принимать во внимание взаимозависимость экономического (финансового) капитала агентов, представляющих первенствующие корпоративный и государственно-корпоративный уклады, и политического капитала

² Уместно обратить внимание на успешный опыт представления институционализированных секторов в новом расширенном составе в системе национальных счетов Австралии [3].

доминирующих элитных групп. Она непосредственно проявляется в принимаемых экономико-политических решениях и, более того, в фундаментальных изменениях государственного экономического курса. Этот вопрос определенно также нуждается в специальном дальнейшем изучении в русле именно политико-экономической проблематики.

Таблица 1

Соотношение дивергенции институциональных порядков и агентских укладов в производственной сфере российской экономики

Базовые институциональные порядки / Агентские уклады	Порядок рыночного саморегулирова- ния	Порядок корпоратив- ного регули- рования	Порядок общественной регуляции
Государственный	—	—	+
Корпоративный нефинансовый	—	+	+
Корпоративный финансовый	—	+	+
Корпоративный с государ- ственным участием	—	+	+
Независимый предпринима- тельский	+	-	+
Теневой	+	+	—
Семейного предпринимательства	+	—	+
Некоммерческого негосударственного предпринимательства	+	—	+

Источник: составлено автором.

Становление гибридной структуры экономики России на первом этапе системной трансформации после радикальной рыночной реформы

Не вызывает сомнений явно выраженная множественность укладов российской экономики в первый период системной трансформации после радикальной рыночной реформы и исходных этапов массовой приватизации (1992–1996 гг.). Особо уместно обратить внимание на формирование состоятельного корпоративного сектора с государственным участием и параллельно потребных институтов, очень длительное время трактовавшихся как «промежуточные» [4, 5] (см. рис. 2). Уже по прошествии первых лет рыночных реформ основополагающей для корпоративного сектора отечественной экономики стала модель холдинговой компании особого типа [6, 7]. Ее акционерный капитал оставался в значительной части в государственной собственности. В энергетическом

секторе и ряде других секторов в возникшие холдинги были переданы пакеты акций большинства предприятий, находившихся в собственности государства.

Институциональные предпочтения двух наиболее весомых групп экономических агентов, представляющих эти уклады, существенно отличались. Так, с одной стороны, агентов, оперировавших в финансово-банковском бизнесе, на теневых рынках и частично в секторах малого и среднего предпринимательства, вполне устраивали институты либеральной координации и приватизированной собственности. С другой стороны, агенты корпоративного сектора с государственным участием и частного нефинансового корпоративного сектора с преобладающей собственностью олигархов были заинтересованы в государственной протекции, что предполагало значимую реверсию нелиберальных институтов.

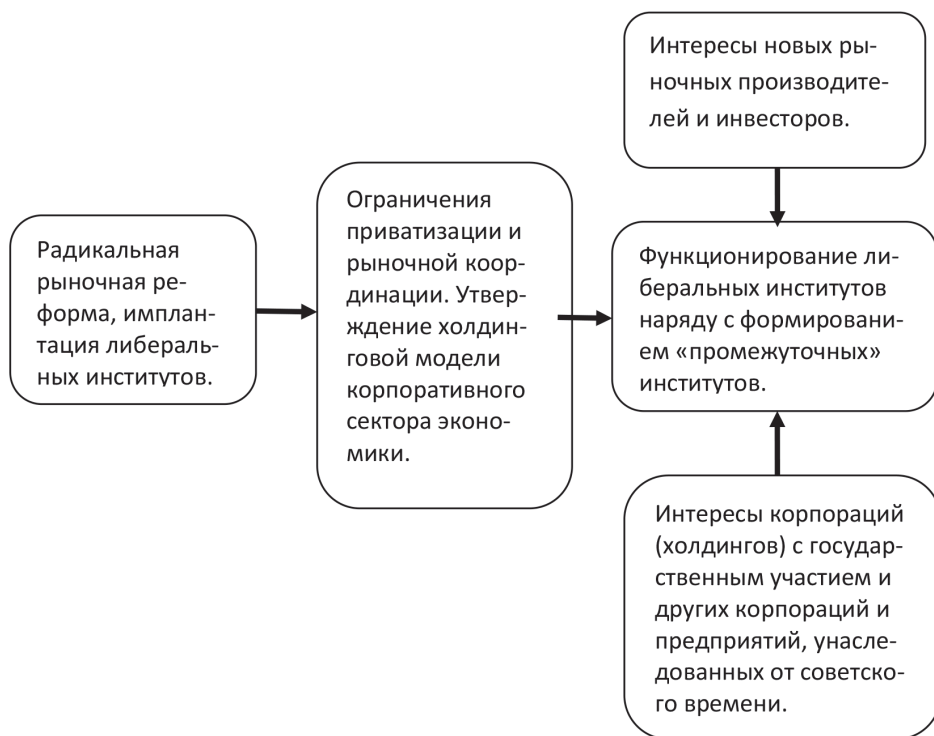

Рис. 2. Формирование «промежуточных» институтов.

Источник: составлено автором.

Принципиальное значение имело следующее обстоятельство: частный банковский бизнес, обладавший наибольшей рыночной мощью в период девяностых годов (его нередко называли «семибанкирщиной»), был вовлечен почти

исключительно в кредитование внешнеэкономического оборота и в финансовые операции за рубежом. Несмотря на принятые институциональные решения, в первую очередь создание финансово-промышленных групп, исходная ориентация этого агентского уклада оставалась непоколебимой. Как следствие, перевес в рыночной силе на внутреннем экономическом пространстве оказался на стороне корпораций с государственным участием и частного нефинансового корпоративного капитала.

Нельзя не принимать во внимание и политическую сторону рассматриваемой коллизии: бремя издержек первоначально принятого неолиберального экономического курса по рецептам МВФ было неимоверно велико. Государственная власть остро нуждалась в поддержке со стороны отечественного бизнеса и потому оказалась готова поступиться принципами, допустив формирование как бы временных нелиберальных институтов на корпоративных и некоторых других рынках.

Утверждение гибридной структуры российской экономики с преобладающим государственно-капиталистическим укладом

Исходным рубежом второго этапа системной экономической трансформации в нашей стране стал системный кризис 1998 года. За экстраординарными антикризисными решениями последовала системная перемена государственного экономического курса на рубеже девяностых и нулевых.

Новое руководство страны сразу взяло под свою жесткую опеку корпорации-холдинги с государственным участием, одновременно заключив неформальный союз, экономический и политический, с большинством отечественных олигархов — мажоритарных (реально единоличных) владельцев крупнейших частных корпораций — и региональной элитой. Финансовые и политические интересы нынешней властвующей элиты заключаются в сохранении институтов государственного протекционизма корпоративных и иных рынков, ранее оформившихся во второй половине 90-х годов. Эти институты стали неизменными проводниками государственной экономической политики вплоть до сегодняшнего дня.

Отличительная черта сформировавшейся российской экономической модели заключается в направлении и контроле ключевых производственных потоков со стороны государства на известных капиталистических принципах [8]. Определенно, «скелет» государственно-капиталистического уклада российской экономики составляют крупные корпоративные холдинги. Они выступают, особенно в энергетических, добывающих, машиностроительных и военно-промышленных отраслях, как бы наследниками крупнейших отраслевых производственно-технологических комплексов социалистической эпохи, созданных за счет огромных государственных капиталовложений в условиях вне-рыночной институциональной среды.

В дополнение стоит акцентировать внимание на том, что в течение последних десятилетий масштабы приватизации государственной собственности оказались более чем скромными. В основном приватизационные сделки касались заведомо нерентабельных производств и объектов незавершенного строительства. А в настоящий момент, согласно позиции представителей правительства, вопрос о крупной приватизации в повестке однозначно отсутствует [9].

Вполне понятно, что после исчезновения «семибанкирщины» и кардинального сокращения зоны криминального бизнеса на внутренних рынках просто не осталось адептов неограниченной рыночной свободы, располагающих весомым экономическим и политическим капиталом. В результате, выбор в пользу превалирования институтов, обеспечивающих присутствие государства на рынках национальной экономики, оказался предрешен.

Применительно к России уместно констатировать долговременное утверждение своеобразной гибридной институциональной структуры. Она характеризуется сочетанием институтов свободного рынка и нелиберальных институтов с очевидным перевесом в пользу последних. Этот коренной трансформационный сдвиг можно оценивать как свершившийся компромисс между первоначально предполагаемыми к тотальному распространению либеральными институтами и прежними «полурыночными» институтами советской экономики в последний период ее существования (см. рис. 3).

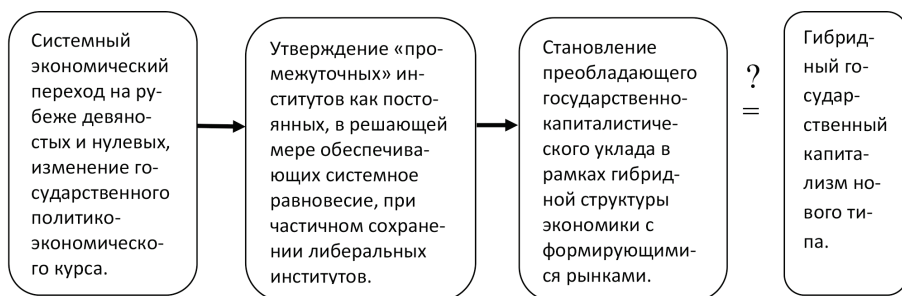

Рис. 3. Государственно-капиталистический уклад как доминантная составляющая гибридной структуры национальной экономики с формирующимися рынками.

Источник: составлено автором.

Посредством такого гибридного выбора оказалось достигнуто устойчиво воспроизводимое равновесие национальной экономической системы, адекватное главенствующему интересу основной части российской элиты в сохранении имущественных и финансовых накоплений девяностых годов. По-видимому, наибольший вклад в достижение такого равновесия вносят нелиберальные институты, обеспечивающие государственную протекцию крупным корпорациям, федеральную бюджетную поддержку экономики российских

регионов и, хотя и в меньшей степени, финансирование экономики крупных городов и иных агломераций. Важнейшими компонентами нелиберального стабилизационного регулирования выступают также антиинфляционная политика Центрального банка, поддержание потолка цен на многих рынках, мощный пруденциальный банковский контроль. А обращаясь к прошлому периоду нулевых годов, следует принять в расчет мощнейший стабилизационный эффект целенаправленных реверсивных институциональных сдвигов относительно первоначальных радикальных рыночных перемен, особенно связанных с ограничением зон финансовой либерализации.

Уместно констатировать, что в постлиберальный период с конца девяностых годов по мере утверждения обозначенной гибридной, институциональной и агентской структур отечественной национальной экономики постепенно произошло становление состоятельных рынков. В политико-экономическом смысле их правомерно относить к формирующимся (*emerging*) рынкам. Они подобны существующим в бывших отсталых странах третьего мира, достигшим за последние десятилетия высокого уровня экономического развития в ходе структурных преобразований. Имманентной чертой этих рынков выступает относительно новая стадия развития, многие из них обладают потенциалом высокого роста спроса, очень далекого до насыщения. Преимущества формирующихся рынков, функционирующих в условиях режима активного государственного регулирования, также проявляют себя в сравнительно невысоких издержках и в быстрой окупаемости прямых инвестиций. Кроме того, очень весомым фактором позитивного развития национальной экономики выступает взаимовыгодное и в полной мере равноправное экономическое сотрудничество именно со странами с формирующимися рынками. Во многом благодаря сотрудничеству такого рода, главным образом со странами БРИКС и АСЕАН, оказалось возможным добиться существенной нейтрализации эффекта применения жестких санкций в отношении России со стороны западных стран в последние два года.

В контексте сказанного уместно сделать заключение об историческом исчерпании всем известной концепции переходной экономики, лежавшей в основе неолиберальных реформ 1990 годов в русле разработанных стратегий в соответствии с первым и вторым Вашингтонским консенсусами [10]. Главный постулат этой концепции заключался в достижимости имплантации извне социальной системы определенной страны желаемых институциональных образцов, отвечающих целям эффективного рыночного развития и повышения благосостояния.

Известными исследователями аргументированно выделяются три главных атрибута действия институтов нового типа государственного капитализма XXI века применительно к национальной экономике с формирующимися рынками

[11]. Во-первых, углубившееся взаимодействие между государственными организациями и бизнесом, когда государство является рыночным потребителем или, наоборот, поставщиком ресурсов на рынки (так называемый «статизм», по зарубежной терминологии). Во-вторых, кардинальная активизация участия агентов государства как собственника-инвестора в рыночной деятельности. В-третьих, усиление прямого вмешательства государства в экономическую жизнь посредством использования разнообразных инструментов. Если ранее, в прошедшем веке, в большинстве развитых стран превалирующая роль государства в рыночной сфере касалась регулирования и координации разнообразных рыночных процессов, то сейчас она заключается в активном соучастии в экономических преобразованиях в качестве ключевого рыночного агента [12].

Вместе с тем следует иметь в виду, что в чистом виде государственно-капиталистический институциональный порядок не является абсолютно превалирующим в экономике ни одной современной страны. В существующих национальных экономиках с формирующимися рынками государственный и смешанный государственно-корпоративный сектора дополняются в той или иной мере частным корпоративным сектором и остальными предпринимательскими секторами. Тем самым представляется логически допустимой трактовка экономической системы нашей страны как системы с гибридным государственным капитализмом нового типа [8, 13].

Разумеется, было бы опрометчиво следовать заведомо оптимистичному видению трансформации гибридной национальной экономики с преобладающим государственно-капиталистическим укладом. Как свидетельствуют конкретные исследования в нашей стране и в Китае (например, [14], [15]), при такой институционально-агентской структуре высокий риск избыточного инвестирования капитала и перекредитования в полной мере проявляет себя.

Несомненно, грядущая трансформация гибридной структуры отечественной экономики связана с судьбоносной коллизией адаптации к цифровизации, автоматизации, распространению роботов и искусственного интеллекта [16, 17]. Изменение соотносительной значимости институциональных порядков и агентских укладов в экономической системе призвано способствовать достижению наилучших результатов беспрецедентных технологических преобразований, исходя из критериев национального успеха.

Резюме. К настоящему моменту итогом системных трансформационных перемен в нашей стране стало утверждение национальной экономики с состоятельными формирующимися рынками и с одновременным сочетанием либеральных и нелиберальных институтов. Нынешнюю российскую экономику отличает гибридное институциональное устройство и множественность агентских укладов, среди которых преобладающее положение занимает государственно-капиталистический уклад. Институты государственного капитализма нового типа оказались совсем не промежуточными; по всей видимости, они

утвердились на всю обозримую перспективу относительно нынешнего периода начала двадцатых, и потенциал повышения их эффективности весьма велик. Совершенствование государственно-капиталистических институтов, как и других институтов, обеспечивающих работу формирующихся рынков, по всей видимости, будет продолжаться.

Литература

1. *Никифоров Л.В.* Общественные системы смешанного типа: содержание и историческая перспектива / «Смешанное общество»: российский вариант. Гл. 2. // М.: Наука. 1999. С. 44–73.
2. *Никифоров Л.В.* Смешанное интеграционное общество в России: особенности и стратегические ориентиры развития / «Смешанное общество»: российский вариант. Гл. 4. // М.: Наука. 1999. С. 107–141.
3. Australian System of national accounts: concepts, sources and methods. Chapter 4. Institutional units and sectors. 9 July 2021. URL: <https://www.abs.gov.au>.
4. *Qian Y.* 2000. “The Institutional Foundations of China’s Market Transition”, in Pleskovic, B and Stiglitz, J. (ed.) *Annual Bank Conference on Development Economics 1999*. // Wash., DC: World Bank, pp. 377–398.
5. *Гуриев С.* Промежуточные институты. Каковы условия и риски их работы. 20 ноября 2017 г. www.svor.ru.
6. *Радыгин А.* Россия в 2000–2004 годах: на пути к государственному капитализму? // Вопросы экономики. 2006. № 4. С. 71–78.
7. *Мальгинов Г.В., Радыгин А.Д.* Смешанная собственность в корпоративном секторе: эволюция, управление, регулирование // М.: ИЭПП. 2007.
8. *Мартынов А.В.* Феномен нового государственного капитализма: пора политико-экономического осмысления // Репутациология. 2023. № 1–2. С. 46–53. DOI:10.34925/2071-9094.2023.1.67.004.
9. Минфин заявил об отсутствии на повестке дня вопроса о крупной приватизации. 11 мая 2023 г. URL: <https://www.rbc.ru> > Экономика.
10. Страны с переходной экономикой: МВФ рассматривает их прогресс и перспективы. 3 ноября 2000 г. URL: <https://www.imf.org/external/> 2000.
11. *Wright M., Wood G., Musacchio A., Okhmatovskiy I., Grosman A., and Doh J.* 2021.
12. State capitalism in international context: Varieties and variations. *Journal of World Business*. 56, 101160. <https://doi.org/10.1016/j.jwb.2020.101160>
13. *Bremmer I.* 2010. The end of the free market: who wins the war between states and corporations? N. Y.
14. *Nolke A.* 2018. Dependent versus state-permeated capitalism: two basic options for emerging markets // *International Journal of Management and Economics*. 54 (4), pp. 269–282. <https://doi.org/10.2478/ijme-2018-0026>.
15. Российская экономика в 2022 году // Тенденции и перспективы. Выпуск 44. М., 2023, С. 155–158; С. 182–188.
16. *Xiong W.* Derisking Real Estate in China’s Hybrid Economy. NBER. WORKING PAPER 31118. DOI: 10.3386/w31118.
17. Цифровая трансформация: ожидания и реальность. Доклад НИУ ВШЭ // М.: Издательский дом ВШЭ, 2022. URL: <https://www.issek.hse.ru/mirror/share>.
18. Структурная модернизация российской экономики: условия, направления, механизмы // СПб.: Алетейя, 2022.

Arkady Martynov (e-mail: socpolamv@mail.ru)

Grand Ph.D. in Economics, Professor, Chief Researcher,
Institute of Economics (RAS) (Moscow, Russian Federation)

THE STRUCTURE OF THE NATIONAL ECONOMY OF RUSSIA: THE PHENOMENON OF A HYBRID

In this compact article, the analysis is focused on the phenomenon of the heterogeneous structure of the modern national economy, which can rightfully be identified as hybrid. The relationship between the divergence of institutional orders and agency structures in Russian economy is considered. The objective reason for the approval of the state-capitalist structure, which dominates the hybrid national economic system, is substantiated.

Keywords: economic system, institutions, agents, hybrid structure, state-capitalist structure.

DOI: 10.31857/S020736760028114-4